

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.955+159.954

Е. Е. Сапогова

СЛУЧАЙНОСТЬ КАК ОНТОЛОГЕМА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ*

В рамках разрабатываемого автором экзистенциально-нарративного подхода исследован феномен личной (субъективной) онтологии и характер влияния концептов судьбы, случая и свободной воли на осознание и интерпретацию человеком собственного жизненного пути. Онтологема определена как теоретическая идея (идеологема), изначально заданная индивидуальному мышлению. Комплекс онтологом лежит в основе устоявшихся в культуре и транслируемых в социализации и инкультурации социальных практик. Онтологемы не выводятся персонально опытным путем, не доказываются, а воспринимаются и принимаются человеком как ментальные прецеденты для построения жизненно-смысловой реальности. Любая онтологема содержит в себе многочисленные импликации, разворачиваемые в логику, этику, субкультуру и «личную философию» субъекта в зависимости от его экзистенциального опыта, содержания типичных ситуаций и событий, встречающихся на его жизненном пути, наличных обстоятельств существования, личностных особенностей и т. д. Теоретически смоделированы нарративные связи между онтологемой свободной воли, мышлением и поступком как смысловым центром личной истории (1), онтологемой судьбы, верой и свершением (2), онтологемой случайности, интуицией и происшествием (3). Представлено психологическое содержание онтологемы случайности, показано ее значение в построении автобиографических историй, дана психологическая трактовка типов случайности в жизни человека. Рассмотрены понятия перипетии (внезапного перелома), хамартии (трагической случайности) и кайроса (благоприятной случайности), обоснованы их экзистенциальная природа, роль и смысловая необходимость в создании личных историй. Библиогр. 54 назв.

Ключевые слова: личность, экзистенциальный опыт, автобиография, личная история, судьба, случай, свободная воля, личная онтология, онтологема.

Сапогова Елена Евгеньевна — доктор психологических наук, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 127051, Москва, Малый Сухаревский пер., 6; Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6; Московский институт психоанализа, Российская Федерация, 121170, Москва, Кутузовский проспект, 34, стр.14; esapogova@yandex.ru

Sapogova Elena E. — Doctor of Psychology, Moscow State Pedagogical University, 6, Malý Sukharevsky per., Moscow, 127051, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation; Moscow Institute of Psychoanalysis, 34/14 Kutuzovskii pr., Moscow, 121170, Russian Federation; esapogova@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-013-00058).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Based on the author's existential-narrative approach, the phenomenon of personal (subjective) ontology and the ways of the influence of the concepts of fate, fortuity and free will on the person's comprehension and interpretation of one's own life path are studied. An ontologeme is defined as a theoretical idea (ideologeme), originally assigned to individual thinking. The complex of ontologemes lies at the basis of social practices that have been established in culture and are being translated into socialization and inculturation. Ontologemes are not deduced personally by experience, they are not proved, but are perceived and accepted by a human as mental precedents for constructing a life-semantic reality. Any ontology contains in itself numerous implications, unfolding in the logic, ethics, subculture and "personal philosophy" of the subject depending on his existential experience, the content of typical situations and events that occur on his life path, the existing circumstances of existence, personal characteristics, etc. The narrative connections between the ontologeme of free will, thinking and acting as the semantic center of personal history (1), between the ontologeme of fate, faith and implementation (2), between the ontologeme of fortuity, intuition and event (3) have been theoretically designed. The psychological content of the ontologeme of fortuity is presented, its significance in the construction of autobiographical narratives is shown, the psychological interpretation of fortuity types in human life is given. The concepts of peripeteia (sudden fracture), hamartia (fatal case) and kairos (fluke) are considered, their existential essence, role and semantic necessity in creating personal stories are substantiated. Refs 54.

Keywords: personality, existential experience, autobiography, personal history, fate, case, free will, personal ontology, ontologeme.

Жизнь не может ничего обещать, даже саму себя...

К. Джонсон, «Женщина-лиса»

Введение

Изучая нарративизированный экзистенциальный опыт человека, исходной данностью которого является наполненное значимостью персональное переживание событий собственного жизненного пути [1], нельзя не заметить, что он часто апеллирует к игре судьбы и случая, а отражающие его автобиографические истории включают элементы фатализма и проекции личной онтологии человека. Вероятно, это связано с тем, что для рефлексирующего свою жизнь человека характер их влияния на индивидуальное существование оказывается равнозначным: от вездесущности судьбы, как и от «случайности случая», невозможно уйти [2, с. 42]. Это делает судьбу и случай важными онтологемами жизни и системообразующими онтографемами жизнеописаний [3].

Может быть, именно поэтому современная наука не оставляет идею «судьбы как результирующей множества случайностных, статистических, стохастических процессов, которые изучаются теорией «хаосложности» (chaoplexity). По сути, именно поле смыслов, покрываемых традиционным понятием «судьба», находится в центре этой дисциплины <...> изучающей нелинейные, непредсказуемые процессы, зависящие от взаимодействия множества случайных факторов» [4, с. 65].

Исследовательский интерес к проявлениям в человеческой жизни судьбы и случая и адаптации человека к неопределенности жизненных ситуаций приводит к введению и операционализации в психологии таких концептов, как «человек в ситуации неопределенности» [5–8], «личностный выбор» [9–17], «синхроничность» («значимое совпадение») [18–19], «копинг» [20–21], «открытость к опыту», «ориентация на неопределенность» (в условиях известных и неизвестных/

непознаваемых альтернатив, неясности/неопределенности ситуации) [8; 22–24], «поведение с закономерным и случайным исходом» [25–26] и др. Мы рассмотрим возможные отношения человека к жизненным случайностям-закономерностям в контекстах создания им автобиографических нарративов.

Экзистенциально-психологические основания субъективной онтологии

Для того чтобы стать событиями экзистенциального опыта, исходные переживания, отражающие значимые контакты человека с миром, должны быть категоризированы, подведены под некое понятие, представление, универсалию или ценность, разделяемые личностью. «Составление воображаемой структуры» есть ход сознания, попытка человека разобраться в жизненной многообразии, данном ему вовне и в нем самом. Чтобы распутать опыт, надо внести в него структуру смыслов» [27, с. 63].

Жизнь человека определяется совокупностью его отношений с реальностью, и взрослого человека, рефлексирующего свое существование в мире и самоопределяющегося собственными значениями, интересует не просто построение приемлемого жизнеописания или субъективной мифологии, «не просто онтологическое конструирование как построение тех или иных схем реальности, но обнаружение реальной онтологии — той подлинной структуры бытия, в которой мы живем» [28, с. 138]. Рано или поздно, особенно при соприкосновении со «знаками» судьбы или столкновении со случайностью, он вынужден ставить для себя вопросы, что есть бытие, что есть я и где мое место в нем, в чем смысл и необходимость событий моего существования здесь-и-теперь, почему нечто для меня значимо и ценностно, а нечто другое — нет, зачем я делаю то, что делаю, или избегаю того, что должен делать и т. п.

Там, где для конструирования субъективной мифологии будет достаточно пережитого катарсиса, аналогии, идентификации или символизации [29], построению онтологии необходимо не только логическое понимание, но и перевод интуитивного самоощущения необходимости себя в решение практических задач саморазвития. Последнее, на наш взгляд, делает построение индивидуальной онтологии важным элементом «заботы о себе» [30–32], новообразованием взрослого возраста [31].

Взрослому человеку приходится мыслить *онтологически*, объясняя самому себе, как устроен мир, и выстраивая некую версию причин и следствий собственного существования в нем. Об этом хорошо говорит П. Стросон, обсуждая понятие онтологии: «Мы представляем мир как нечто, содержащее конкретные вещи, часть из которых независимы от нас самих; мы представляем историю мира как нечто, составленное из конкретных эпизодов, в которых мы можем принимать или не принимать участие; мы размышляем об этих конкретных вещах и событиях как о чем-то, включенном в темы наших обычных рассуждений, т. е. как о вещах, о которых мы можем разговаривать друг с другом. Все это представляет собой соображения о способе, при помощи которого мы мыслим мир, о нашей концептуальной схеме» [33, с. 16].

Субъективная онтология отражает индивидуальное полагание наиболее общих оснований любой выбранной для рефлексии темы, в том числе для интерпретации человеком своего жизненного пути при построении автобиографии. Она

формируется под влиянием ментальных характеристик субъекта и сама влияет на них, причем «тела» (вещи) и «лица», согласно П. Стросону, обладают в личной концептуальной схеме человека онтологическим приоритетом (см.: [1, с. 150–173; 34, с. 121–122]). Онтологическое мышление взрослой личности и онтология как его результат, с которыми так или иначе связано автобиографирование, направлено «на субъективацию, в ходе которой человек осмысливает (по сути, конституирует) себя как субъекта некоторой предельной ситуации» [28, с. 139].

В этом смысле у субъективной онтологии *экзистенциально-психологические основания*: самоопределяясь, человек вынужден мыслить о себе в ситуациях, индивидуально противопоставленных обычному, повседневному течению жизненных событий, которое большинство людей и полагают реальностью. Ему становится необходимо понять, объяснить и вписать себя в нечто большее, чем он сам, чем его обыденная, «как у всех», жизнь и привычно повторяющийся мир, исходя из происшествий, оказавшихся значимыми для последующего течения жизни и потребовавших от человека пересмотра как себя, так и надежности своего опыта. «В экзистенциальной ситуации для человека происходит своего рода остановка или расщепление мира» [28, с. 140], в котором все, казалось бы, шло своим чередом, и он ставится в позицию вопрошания (кто я? зачем я? для чего я? в чем сущность моего существования?) и обращается к своим первоначалам, к смыслам прожитого и к своей смертной природе. Это объясняет присутствие эпизодов, связанных с судьбой и случаем, во многих автобиографических текстах.

Накопленный экзистенциальный опыт провоцирует постановку онтологических вопросов, но одновременно включает и интуитивно присутствующие в сознании ответы на них, опирающиеся на принятые субъектом онтологемы. *Онтологема* есть теоретическая идея (идеологема), заданная индивидуальному мышлению изначально и лежащая в основе некоего устоявшегося в культуре и транслируемого посредством социализации и инкультурации комплекса социальных практик. Онтологемы не выводятся персонально опытным путем, не доказываются, а воспринимаются и принимаются человеком как ментальные прецеденты, по отношению к которым бессмысленно задавать вопрос «почему?»

Любая онтологема содержит в себе многочисленные импликации, разворачиваемые в логику, этику, а главное — в «личную философию» субъекта в зависимости от его экзистенциального опыта, характера типичных ситуаций и событий, встречающихся на его жизненном пути, наличных обстоятельств существования, личностных особенностей и т. д.

Предельные онтологемы индивидуального сознания и типы нарратизируемых событий в жизни человека

Мы предположили, что для автобиографирования исходными нарративными модальностями и одновременно «рамочными» (предельными) онтологемами могут быть «судьба», «случайность» и «свободная воля» субъекта, задающие общую стратегию для осмысления событий жизненного пути. Хочет человек или не хочет, но, задумываясь о своей жизни и конструируя автобиографическую историю, он обычно уже находится в рамках некоей логики, заданной внутренним предпочтением одной из названных онтологем. В частности, это иллюстрирует схема пересече-

чения понятий судьбы, случая и свободной воли человека, предложенная В. Г. Гаком [35, с. 199]:

Свобода	Источник воли	
	Сам человек	Вне человека
Свобода (возможность выбора)	«Человек — хозяин своей судьбы»	«Все от Бога»
Несвобода (отсутствие выбора)	«Лови случай» (случайность)	«Судьбу не изменишь» (фатум)

Оставляя в стороне ситуацию, в которой источник воли оказывается вне человека, а сам человек не обладает никакой свободой, в зависимости от этого предпочтения можно выделять разные типы событий, возможных в жизни человека [4]: *поступки* (если в его сознании доминирует онтологема свободной воли), *свершения* (если он верит в предопределенность всего и вся судьбой) и *происшествия* (если для него над всем властвует случай).

Поступки есть результат проявления собственной воли, спонтанности, произвола человека. Они осуществляются путем персонального выбора, обдуманного решения, опирающегося на рефлексию имеющихся у него психологических ресурсов (выбор профессии, спутника жизни, места жительства, политической позиции и пр.). Свободная воля, согласно Э. В. Ильенкову, есть «способность строить свои действия сообразно цели (в противоположность “причине”)» [36, с. 69], и это сознательный, личностный способ жизни взрослого человека, отражающий его стремление к самостоятельности, а также условие его развития и творчества.

Свершения есть результат разворачивания определенной закономерности, с какой предшествующие выборы, поступки и деяния человека ведут к предопределенным ими последующим происшествиям в жизни. В них завершается некое действие, начатое человеком по собственной воле, но затем вышедшее из-под его ведома и контроля [36]. Здесь человек предстает как объект того воздействия, которое прямо или косвенно вытекает из действий, предпринятых им ранее как субъектом.

Происшествия (случаи) представляют собой любые комбинации исходов некоторого опыта, имеющие определенную вероятность наступления [37, с. 21; 38, с. 252; 39, с. 150]. В психологическом контексте речь идет о происшествиях, в которых человек является не субъектом, но вероятностно-возможностным объектом некоей непознаваемой им воли, начало и последствия действий которой непредсказуемы в пределах человеческого опыта. Они могут быть предчувствованы, предугаданы с помощью интуиции, но в целом остаются за пределами возможностей мышления. И. Кант определял случайность как «то, противоречащая противоположность чего возможна» (цит. по: [40, с. 49]).

В целом «свершения отличаются от поступков и происшествий тем, что как бы содержат в себе собственное начало и конец и обнаруживают действие судьбы на всем его протяжении. Поступки и происшествия — это тоже по глубинной сути своей свершения, только с затерянными началами и концами. Поступок — свершение с неясным концом, а происшествие — с неясным началом» [4, с. 70].

Базисные онтологемы и построение автобиографических нарративов

Соответственно, по-разному, в зависимости от выбранной в качестве «генератора» жизненной динамики онтологемы (судьба, случайность или свободная воля) строятся и автобиографические повествования.

Так, при опоре на *онтологему свободной воли* центральную линию автобиографии может образовывать череда поступков, действий рассказчика в ответ на определенные ситуации или обстоятельства, и тогда она строится как совокупность эпизодов жизни, упорядоченная в соответствии с понятным ему целенаправленным движением к некоей осознаваемой цели, носит в каком-то смысле *телеологический* характер.

В этом случае автобиографическая история содержит подробности выводов, заключений, замыслов, принятия волевых решений, построения планов, оценок собственных возможностей и достижений («я решил...», «я знал, что должен...», «чтобы выбраться из нашей провинции, мне было нужно...», «и тут я понял, что надо...», «все силы бросил на...» и т. д.). В них человек активно устраняет жизненную неопределенность, внося в жизнеописание подходящую ему смысловую структуру. Такие тексты обычно когнитивны и фактологичны, в них отражен результат активной работы *мышления*. Поступок как бы разрывает линейность времени, будучи противопоставленным судьбе, пусть даже на короткое время.

Если лейтмотивом автобиографического повествования становится *онтологема судьбы*, то в нем, наоборот, разными способами (поиск совпадений, указания на предвестники, констатация фактов повторений событийных витков и пр.) подчеркивается имманентность связи человека и мира, императивность, неизбежность наступления неких жизненных событий, даже вопреки проявлениям свободной воли субъекта (вспомним, к примеру, евангельское: «У вас же и волосы на голове сочтены» или булгаковское: «Аннушка масло уже купила, причем не только купила, но и пролила»). Автобиографическая история включает неминуемые возвращения в покинутые жизненные точки («волей судьбы через десять лет я снова оказался там, где мы познакомились»), повторяющиеся происшествия («в нашей семье все знакомятся через воду», «нам на роду написано вдоветь после сорока»), неоднократное возобновление разорванных отношений («судьба повязала так, что не разорвать», «звезды так сошлись, что мы встретились снова», «видно, судьбе было угодно, чтобы мы вопреки самим себе были вместе») и прочее, как если бы это было «суждено», «записано на скрижалях», связано невидимой, но абсолютной причинно-следственной связью.

В этом случае можно говорить о главенстве *веры* в некое семантическое единство мироздания, не принуждающей человека активно действовать, но требующей от него созерцания, погружения, растворения в универсуме, осознанного переживания своей общности с надличностным — чем-то большим, чем есть он сам. Такое повествование обычно строится циклично, и каждый цикл требует своего непременно логического завершения, полноты воплощения внутри него экзистенциального содержания.

Если личность априори исходит из *онтологемы случая*, то в центре автобиографического повествования оказывается некое происшествие или череда происшествий, содержащих использованную или упущенную возможность, вне собствен-

ных побудительных действий человека повлиявших на его жизнь и/или личность в трагическую (хамартии) или счастливую (кайрос) сторону. Здесь рассказчик больше апеллирует к *интуиции*, к некоему на миг раскрывшемуся ему надличностному знанию, усмотренному и «схваченному» или пропущенному, не понятому.

Для происходящего в этом акте интуиции очень подходит греческий термин «каталепсис» — цельное интуитивное схватывание сути происходящего. Эта суть даже не ухватывается, а мгновенно считывается и «пускается в дело» без какого-то долгого специального обдумывания. В каком-то смысле случайность даже «запускает» интуицию, а ее вероятностный результат дополняется последующей дискурсивностью [41]. Время в таком автобиографическом рассказе движется спорадически, от одного случая к другому, разрушая привычную определенность и отражая счастливое непостоянство и/или brutальную фатальность случая. Между случаями вроде ничего и не происходит, по крайней мере ничего значимого для субъекта.

Таким образом, можно предполагать наличие возможных нарративных связей в автобиографических текстах между онтологемой свободной воли, мышлением и концептом поступка (1); между онтологемой судьбы, идеей веры и концептом свершения (2); между онтологемой случая, интуицией и вероятностно-возможностным качеством существования, выраженным в форме неожиданных происшествий (3). Хотя далее нас по преимуществу будет интересовать содержание последней связки, отметим, что все указанные компоненты находятся в глубоких диалектических взаимосвязях друг с другом и, к примеру, случай может трансформироваться в судьбу или вызвать к жизни свободную волю субъекта, так же как неожиданное происшествие может спровоцировать поступок, а вера — соприкасаться с интуицией.

Трактовки случайности в автобиографических нарративах

Осознание своей свободы для взрослой личности, справившейся с решением большинства нормативных социально-возрастных задач, сопряжено с пониманием того, что ее будущее неизвестно и в нем принципиально может случиться все что угодно. Кроме того, присущая взрослости самоорганизация может быть реализована только во внешнем пространстве, образуемом взаимодействием субъекта и окружающего мира, а мир не может быть до конца определен самим субъектом: он непредсказуем, недетерминирован и в целом неподконтролен ему.

Поэтому при взаимодействии с личностным началом в нем возможны счастливые случайности (Καίρος, кайрос — мгновения удачи), важные совпадения и значимые случаи (синхронистичности — в терминах К. Г. Юнга [18; 19]), непредвиденные, хотя и не фатальные, осложнения (περίπέτεια — перипетии), неожиданные повороты, открывающие новые горизонты индивидуального бытия, которые ранее никак не могли быть предусмотрены человеком при проектировании себя и самоорганизации своей жизни. Точно так же в нем есть место внезапным и неисправимым «изломам» (ἄσπερτα, хамартия — в терминах аристотелевой эстетики «ошибка судьбы», ее «трагический изъян»), закрывающим потенциально реализуемые и ранее насыщенные субъективным смыслом жизненные проекты и перспективы личности [1, с. 129–149].

В историческом времени осознание экзистенциального содержания случайности шло медленно и неровно. Так, согласно Л. Леви-Брюлю, для первобытного сознания случайности не было вообще, все имело явную или скрытую от познания причину [42, с. 60]. Греки, введшие понятие тухэ (судьбы), в равной мере относили его и к случайности, и к закономерности. Они ввели в обиход два понятия — самопроизвольности, беспричинности (*spontaneus*) и привходящего (*accidens*) [37]. Так, Анаксагор предлагал понимать случайность как «причину, неясную человеческому рассудку», но — главное — как *отрицание роли судьбы* (богов) и *самопроизвольность реальности* в отношении человеческого сознания [37, с. 34]. В поздней античности «делом случая называли то, что не имеет никаких причин или происходит не в силу какого-нибудь разумного порядка; а делом судьбы — то, что случается в силу некоего неизбежного порядка, вопреки воле Божией и воле людской» [37, с. 41].

Средневековые мало интересовались смыслом случайности и ставило вопрос лишь о ее математическом исчислении и предугадывании. Но в это время родилась идея предрасположенности к определенным событиям, влияния предшествующего опыта на будущий. Тем самым началось сближение понятий судьбы и случая, и эта идея впоследствии оказалась достаточно продуктивной для философско-психологического анализа: вероятность «мига удачи» в обыденном сознании нередко кажется находящейся в прямой связи с прошлой жизнью и деяниями человека. В какой-то мере эту мысль отражает фольклор в форме веры в справедливость судьбы, посылающей счастливым случай будто бы в награду за праведную жизнь или упорный труд.

Она была также косвенно затронута А. Адлером в концепции фикционного финализма [43], рассматривающей ситуации, когда человек живет так, как если бы некие факты были не случайными, а закономерными («терпение и труд все перетрут», «всем воздастся по заслугам», «возможны чудесные исцеления от смертельных болезней», «красота спасет мир»). На этой основе стало складываться понятие тенденции (как достаточно очевидной, но нечеткой закономерности, не поддающейся точной формулировке вследствие наличия противоречащих друг другу примеров), определяющей саму возможность наступления случайности.

В Новое время стали появляться разные теоретические модели случайности, как исследовательский предмет уже практически перешедшей в сферу математики. Одна из них вообще не отличала случайность от судьбы, другая представляла собой теорию динамического хаоса, согласно которой в неустойчивых процессах закономерности проявляются устойчивее, а в устойчивых нарастает вероятность неустойчивости, а следовательно, и случайности. Третья модель оперировала понятием среднего, относительной частоты некоего происшествия, четвертая апеллировала к свойству энтропии и т. д. Не углубляясь в математические аспекты проблемы случайности и вероятности, отметим лишь, что в процессе их изучения появилось понятие шанса (*chance*), отличного от понятия вероятности (*probabilité*), и именно оно получило потенциальный импульс к развитию в гуманитарных науках [25; 26].

Для психологии анализ роли случайности в человеческой жизни является неоднозначным предметом в силу вовлечения в него большого числа феноменов. Так, сегодня в него входит обсуждение таких дихотомий, как «удача — способности», «случайность — детерминизм», «вероятность — определенность», «вера (предположение) — знание (уверенность)», «эпизод (совпадение) — причинно-следственная

связь (закон)», «прогноз — предсказание», «возможность — определенность», «случайность — необходимость», «условность — истинность» и др. [44, с. 17].

Анализируя обращения клиентов к идее случайности в автобиографических текстах, собранных нами в консультативной практике, мы обратили внимание на разные ее трактовки. Опираясь на классификацию, предложенную Ю. В. Чайковским [37, с. 172–179], мы смогли выстроить определенный событийный континуум с условными крайними полюсами «судьба — случай», отражающий разные типы случайности в рассказах о жизни:

- 1) случайность как непонятая или неизвестная закономерность (она может быть результатом как естественной запутанности существования, так и постепенного кумулятивного сложения незаметно действующих факторов);
- 2) случайность как скрещение нескольких несогласованных процессов (наподобие случайной встречи знакомого человека на улице, когда каждый шел по своим делам и никого специально не высматривал);
- 3) случайность как уникальность, как единично явленное чудо (нечто, что не сможет повториться даже при воспроизведении прежних условий);
- 4) случайность как неустойчивость движения, отклонение от заданного и логически обусловленного («авантюры саморазвития»);
- 5) случайность как относительность наличного знания человека (происшествия, связанные с выводами и действиями, основанными на ограниченном комплексе осведомленности в ситуации, например чужой выбор может казаться нам случайным или мы совершаем некое действие «на свой страх и риск»);
- 6) имманентная случайность (случайность, внутренне присущая определенным процессам, в которые человек вступает, даже будучи предупрежденным об их неизвестном потенциале: что-то вроде последствий сознательно-го вхождения в зону сильной радиации);
- 7) случайность как произвольный выбор (выбор объекта или действия из некоего множества без каких-либо обоснованных критериев для его осуществления, как говорится, «методом тыка»).

Однако этот континуум можно считать лишь общей моделью, поскольку, как показывает анализ автобиографических текстов, «многие явления случайны сразу в нескольких смыслах» [37, с. 178], а сама случайность выражена в разной степени. Поэтому можно говорить о нескольких уровнях случайных происшествий по нарастаю в них «степени случайности» [37, с. 182–184].

На *нулевом уровне* никакой случайности в рассказах о себе и своей жизни нет, все выглядит детерминированным, и причинно-следственные связи между разными событиями кажутся человеку очевидными, пусть даже он приписывает их высшим силам, абсолюту, богам, трансцендентным сущностям и пр. *Первую ступень* случайности демонстрируют явления, одновременно состоящие из детерминированных и стохастических компонент. Примером может служить стрельба в цель, где выбор цели и прицеливание неслучайны, но всегда возникает случайный разброс попаданий. Греки обозначали ее словом «стохазома» (целиться, догадываться, отгадывать).

На *второй ступени* находятся явления, которые при повторении однотипных условий встречаются с достаточно большой частотой (именно им посвящены

практически все известные «случаи» мировой литературы — встречи, дуэли, утраты, находки, аварии и пр.). Но основная масса случайных происшествий относится к *третьей ступени*: здесь мы имеем дело с явлениями, которые, как кажется, должны наступать в жизни с большой степенью вероятности, но на деле почти не возникают в опыте конкретной личности («большая любовь», «торжество справедливости», «награда за жертвование», «возможность подвига», «возвращение покинувшего» и т. п.), что, в общем, не мешает всем нам «верить и ждать».

Четвертый уровень «случайности» относится к явлениям, у которых нет устойчивой частоты, но при желании их наступление человек может попытаться спровоцировать своими действиями («искушая судьбу», пускаясь в авантюры, рискуя). Он похож на случайное блуждание, «поиск приключений на свою голову», и, соответственно, «кто ищет, тот всегда находит», хотя и не всегда найденный случай — «тот самый», желанный. В личных историях такого типа встречаются сюжеты поездок в аномальные зоны, рискованных экспериментов на себе (с наркотиками, опасными веществами и действиями и пр.), постановки себя в экстремальные обстоятельства с надеждой «узнать, что будет, если...» и т. п.

Пятая ступень содержит «допустимые явления»: они почти никогда не происходят, но люди считают их появление в принципе возможным, поскольку знают об их существовании по свидетельствам неких «очевидцев». Это хорошо отражает литературный жанр быличек, распространенный в современном городском фольклоре, в котором фигурируют привидения старых квартир, вернувшиеся после многолетнего отсутствия и не ориентирующиеся в настоящем времени знакомые, встречи с двойниками, контакты с умершими родственниками, актуальное переживание своих прошлых жизней и пр. В личных историях это могут быть крупные выигрыши, внезапные получения наследства от неизвестных лиц, чудесные спасения из безвыходных обстоятельств, неожиданная помощь свыше и пр.

На *шестой ступени* оказываются случайные происшествия, наступление которых предсказать уже невозможно, хотя можно абстрактно предполагать и верить, что они могут произойти в принципе (встреча с инопланетянами). *Седьмой уровень* предполагает случайные происшествия, наступление которых не выражается ни распределением вероятностей, ни частотами, но все же они допускают какую-то детерминацию в форме личных предпочтений, фантазий и ожиданий субъекта. Они похожи на действия Винни-Пуха, вырывшего яму с намерением поймать способного угодить в нее неизвестно существующего или нет, странного зверя слонопотама.

И, наконец, на *восьмом уровне* находятся события, исключаящие любую детерминацию, поскольку людям неизвестен даже ряд, из которого могут «выпадать» подобные альтернативы (вспомним булгаковское: «Земля налетит на небесную ось»). Здесь мы имеем дело с хаосом, полной непознанностью, и вряд ли кто-то всерьез может думать о встречах с такими событиями.

Практически у каждого респондента обнаруживается своя «философия случая», основанная на вероятностях, «оставляющих внутри себя зону свободы и непредвиденности для конкретных событий, из которых и вырастает история» [45, с. 214]. В автобиографических нарративах случаи представляют собой происшествия, в которых могут быть обнаружены закономерности статистического, сверхиндивидуального порядка [4]. Для человека они выступают как события, в которых он является не субъектом, но объектом некоего сверхличного стечения

обстоятельств (аварии, катастрофы, эпидемии, игровые проигрыши и выигрыши, неожиданные встречи, находки, точечные появления в нужном месте в нужное время и т. п.).

В предельном понимании случай «есть все, что происходит в мире, его возникновение, создание планеты Земля, появление на ней человечества, его возможное в будущем исчезновение, рождение человека, его смерть, бесконечная совокупность больших, средних, малых явлений, все, что “по законам природы” происходит во Вселенной, то, что Кант называет совокупностью всех фактов» [46, с. 177–178]. И в этом плане можно говорить о *необходимости случайности* как в больших природных или социальных процессах, так и в человеческой жизни.

Случай — одно из самых загадочных и одновременно утешительных для человека понятий. Таким же зыбким терапевтическим статусом обладает разве что понятие надежды — «установления себя на нечто еще отсутствующее, иногда даже не-сущее и поэтому в деталях неизвестное, но долженствующее в результате акта положения и вытекающих из него действий выкристаллизоваться из отчаянного риска единственный раз осуществляемого выбора» [2, с. 53]. И если в диалектике судьбы и случая понятие судьбы рождает переживание безличной предзаданности, не дающей возможности быть познанной детерминированности, неотвратимой предопределенности, лишаящей человека свободы воли и действующей независимо от его достоинств и достижений, то случай (случайность, происшествие) полагается средоточием *множественности возможностей*.

Судьба в этом плане воспринимается как нечто более стабильное и надежное, чем случай. Она «свершается», а будучи осознанной человеком — «ведет» его, случай же «происходит», «застигает», а его смысл осознается лишь *post factum*. Но в обоих случаях у человека нет возможности вступать с ними в прямой смысловой диалог, предсказать их или предотвратить [2, с. 38]. Этот диалог человек вынужден вести в области автокоммуникации, в частности при создании автобиографии, где он совершается между «собой настоящим» и прогнозируемым/рефлексируемым «собой иным». И именно в этом зазоре жизнь являет себя субъекту как *вероятностный феномен*.

Внося собственную структуру смыслов в осознание судьбы, человек «вчитывает/вычитывает» некие необходимые ему онтологемы в наличные обстоятельства своей жизни и становится способным жить «по своей судьбе» (она «сбывается»). Постосознание же случайностей дает возможность трансформации их в жизненные шансы и уроки, и это другая сторона механизма смыслотворчества, в которой открываются новые пространства для поиска и создания смыслов, приложения человеком собственных усилий жить, как им задумано, преодолевая случай.

Такая способность к смыслонасыщению/«смыслоуничтожению», как думается, вряд ли может возникнуть раньше, чем во взрослости, потому что до взросления жизнь сильнее «страхует» от случайности заботой и ответственностью родителей, опекунов, наставников и пр. Это не избавляет детскую жизнь от случайности, но снижает ее вероятность, расширяя зоны действия закономерности (режим дня, постоянство маршрутов и среды обитания, соблюдение правил, формирование привычек). Ее возникновению способствует осознанный внутренний отказ личности от следования принципам чужих экзистенций во имя обретения самобытности и опыта ее презентации и отстаивания. К. Г. Юнг говорит об этом как о пережива-

нии собственного *призвания*, рассматриваемого в качестве *иррационального* фактора, толкающего личность к эмансипации и не совпадающего ни с необходимостью, «ибо необходимость испытывают многие, и все находят прибежище в конвенциях», ни с моральным выбором, «ибо в девяти случаях из десяти мы также выбираем конвенцию» [47, с. 196–197].

Трагические и счастливые случайности в автобиографических текстах

В автобиографических нарративах клиентов встречаются упоминания разных случайностей. Так, они часто содержат комментарии и интерпретации в личностных и экзистенциальных контекстах разнообразных *перипетий* — внезапных перемен в жизни, крутых ее поворотов, неожиданных осложнений, трудно преодолимых, но тем не менее преодоленных обстоятельств.

Часто перипетии интерпретируются как трагические случайности (хамартии), хотя и отличаются от них. *Хамартия* — внезапно проявившийся трагический изъян характера, из-за которого человек единомоментно совершает роковую, непоправимую ошибку, коренным образом меняющую и надолго, если не навсегда, осложняющую его жизнь. Природа обоих феноменов связана с разрушением «нашей иллюзорной уверенности в том, что мы контролируем нашу жизнь и можем предвидеть ход событий» [48, с. 27].

И то и другое происходит, случается на «границе» внутреннего и внешнего, личностного и социального, но, метафорически выражаясь, перипетии лежат по ту сторону этой «границы» — на стороне внешних обстоятельств, в которые субъект несчастливым образом попадает, а хамартии — на стороне субъекта и связаны с его собственной личностью, ошибочной активностью, неверно выбранными стратегемами, неоправданным и необъяснимым бездействием и пр. Перипетии принципиально преодолимы: они осложняют, но не сбивают коренным образом привычный ход жизни. Хамартия же прерывает привычное жизнеосуществление, имеет необратимый характер, навсегда лишая субъекта радости существования, разрушая его «телеологическое намерение стать самим собой» [49, с. 25] и не давая ему возможности далее быть аутентичным — таким, как он себя задумывал и воплощал до нее.

Попасть в перипетию — ситуация, хорошо знакомая каждому человеку. В рассказах наших респондентов это ситуации потери багажа в аэропортах; утраты или кражи документов; сюжеты застревания в лифте, транспорте, приведшие к опозданиям и счастливым избеганиям несчастного случая; переезды семьи с места на место в поисках лучшей доли; выигрыш в лотерею с потерей или дарением выигрышного билета; картежные выигрыши и проигрыши, временно приводящие к богатству или обнищанию; счастливые и своевременные находки вещей и денег, а также животных, которые остаются в семье; истории о том, как рассказчик заблудился в незнакомом городе; отставания от поезда в чужих городах; многотрудный ремонт из-за беспечных соседей сверху; расставания, приводящие к неоднократным встречам в жизни, ожидания друг друга в течение всей жизни; спасения, обманы, подделки, неожиданные подсказки, обретения друзей и любимых, движение «через тернии к звездам» в профессиональной или любовной сферах. . .

Сюжеты перипетий разнообразны, и все они соотносятся с неожиданными жизненными поворотами, затрудняющими на некоторое время привычное

жизнеосуществление. В содержании перипетии обязательно присутствует переживание, резко сменяющееся на свою противоположность: человек, двигаясь к одному, неожиданно попадает в совершенно другое, чего раньше для себя и вообразить не мог: шел к счастью — попал в несчастье, был невезучим и несчастливым — и вдруг обрел радость жизни и перспективу для развития и т. п. Между тем и другим лежит обретение *нового опыта*, информация для развития, подлежащая *экзистенциальному оцениванию*.

Человек, претерпевший перипетию, открывает для себя принципиально другие возможности понимания ситуации, стратегии поведения, может изменить концепты мировосприятия, получает новый импульс к развитию и тем самым *совершенствует свои способы жить*. Как бы эмоционально перипетии ни затрагивали человека, какими бы масштабными ему ни казались, они носят *преходящий, не интегральный* характер, не заставляя коренным образом пересматривать ни пройденный путь, ни собственные характеристики.

Попадание в перипетию требует даже не столько личностного, сколько «полевого» поведения, когда сама ситуация подсказывает и даже диктует способ действий и выхода из нее. Перипетии требуют индивидуального преодоления проблемных обстоятельств, с которыми человек не сталкивался в прошлом опыте и для которых у него нет «наработанных» моделей поведения. В этом плане перипетия обладает характеристиками «сгущенного обретения опыта», необходимости интенсивно и очень быстро «обогатиться» им, воспользовавшись ею как пространством роста, изменения. Впоследствии человек иногда не может даже дать однозначно позитивную или негативную оценку пережитым обстоятельствам, осознавая их как неожиданно обрушившийся новый опыт, потребовавший мгновенного реагирования.

Перипетии могут быть не только с драматическим, но и со счастливым исходом. В качестве примеров можно привести следующие сюжеты, вариации которых часто присутствуют в автобиографических нарративах: люди счастливым образом знакомятся, застряв в лифте, и дело заканчивается браком; кто-то кого-то сбивает на автомобиле, но в результате история имеет счастливый конец; опоздав на самолет и претерпев дорожные мытарства, чтобы попасть в нужное место вовремя, человек узнает, что избежал катастрофы; попав в больницу в результате несчастного случая, почти лишившего надежды на будущее, некто обретает надежного друга, помогающего ему заново и более истинно определиться в жизни; не поступив в один вуз, юный некто поступает в другой и, претерпев разочарования, осознает свое истинное жизненное предназначение и т. д.

При накоплении однородных перипетий на определенном отрезке жизни их совокупность и повторяемость могут быть истолкованы личностью как сигнал для смены привычного порядка жизнеосуществления, и тогда возможны самоизменения.

Для ряда перипетий подходит греческий термин «инфандис», обозначающий факт, настолько недостойный и компрометирующий, что его невозможно ни обсудить с кем-либо, ни обнародовать, его следует только удерживать в глубинах собственной биографической памяти, чтобы он не «взорвал» привычный и транслируемый другим образ «Я». В отличие от хамартии, инфандис может быть вытеснен в бессознательное и никогда отчетливо не прорываться в семантике личных исто-

рий. Хамартия же всегда продукт закольцованной на одном предмете рефлексии, она всегда факт сознательного фокусирования.

По сравнению с перипетиями и инфандисами, хамартии являют собой более фундаментальное, хотя и значительно более редкое явление семантики личной жизни. По большей части они касаются случайного и трагического опыта, нарушающего привычный порядок текущего и желаемый строй будущего жизнеосуществления. Но этот опыт обретается не в результате стечения определенных внешних обстоятельств (в которых, кстати, всегда остается шанс не потерять себя), а как следствие внезапно вскрывшегося (и иногда почти сразу же закрывшегося для субъекта и никогда не являющего себя больше во времени) изъяна характера, как момент столкновения с теневой и плохо управляемой стороной собственной личности.

Метафорически говоря, на миг «сдав свои позиции», «предав себя», человек безвозвратно покидает ту точку на линии своей жизни, которая лежит в желанной для него экзистенциальной логике, и навсегда «выпадает» в другую вероятностную плоскость, в другой диапазон жизневоплощения. Здесь жизнь отчетливо демонстрирует свой случайно-стохастический и вероятностно-возможностный характер. Решившись рассказать об этом, респонденты совершенно точно отмечают, что в один-единственный миг их «жизнь обрушивается» и они переживают свершившееся с ними как «падение» — не столько социальное (здесь они даже могут себя оправдать с помощью тезиса об относительности морально-нравственных стандартов), сколько личностное (они становятся «неправыми перед собой»).

В качестве одной из центральных психологических составляющих хамартии можно считать непростительную «утрату себя», недостойную «потерю лица» прежде всего *перед самим собой*, проявление «неверности по отношению к самому себе», «нарушение собственных принципов», «пренебрежение собственными правилами», «потрясение собственных оснований». При этом, как можно предположить, разрушается доверие к самому себе и возможность дальнейшего отношения к себе как к надежной, неразрушимой, истинной опоре для самого себя. Привычное человеку собственное «Я» становится «неистинным».

Люди, пережившие хамартию, начинают существовать как бы в тени собственной *невоплощенной экзистенции*. Жизнь перестает восприниматься ими как своя — как объект собственного волеизъявления, управления, планирования и т. д. Человека накрывают скорбь, самоотчуждение, фундаментальное неприятие себя-наличного, тоска по себе-утраченному, желание себя-иного.

Респонденты, имеющие в опыте переживание хамартии, склонны соотносить ее и вызванные ею трансформации с грехом и невозможностью его искупления, хотя это, видимо, не совсем верно. Грех имплицитно предполагает *осознанное* нарушение *знаемой* нормы, правила, традиции, установления, соглашения, понимание того, почему, ради чего человек переступает известную ему черту. В хамартии же, как думается, нет как такового намерения поступить несправедливо или плохо. Но в ней налицо недостаток психологического ресурса действовать в соответствии с самим собой. Здесь имеет место столкновение человека, попавшего в неоднозначные и неблагоприятные обстоятельства, с «темной», «невывешенной», непознанной стороной самого себя. В хамартии человек не совладевает не столько с обстоятельствами, сколько с самим собой в этих обстоятельствах.

Если перипетии, расставляя на жизненном пути отдельные семантические «метки», не нарушают надолго ее естественного хода, то хамартии становятся ее ограничителем, тормозом, заставляющим субъекта сначала двигаться «на холостом ходу», а далее жить иначе, чем он хотел и планировал раньше — не осуществляясь в жизни, а следуя по течению, отдаваясь случайным направлениям, часто с наказующим акцентом («чем хуже, тем лучше»). Метафоры, которыми пользуются респонденты, имеющие подобный опыт, говорят сами за себя: «мой поезд сошел с рельсов», «мой мир перевернулся», «мир в одночасье рухнул», «я попал в клинч», «я навсегда остался на теневой стороне улицы», «на меня обрушилась вся тяжесть мира» и т. п.

Во всех этих случаях респонденты отмечают, что жизнь разделилась на две почти несоотносимые между собой части — до и после свершившегося события. Это мы связываем с нарушением процессов продуктивного смыслообразования. Человек, выполняя по отношению к самому себе наказующую функцию, сознательно сужает смыслообразование, он стабилизирует некий узкий смысловой круг и отказывается придавать побудительную силу мотивам, расширяющим его связи с реальностью и делающим его жизнь продуктивнее и осмысленнее.

Вероятно, то, как в результате хамартии меняется «Я», можно понять и через феномен «ложного Я» (*false self*), введенный Д. Винникотом [50], с той лишь разницей, что пережившие хамартию при полном осознании своей поврежденной самости принуждают себя существовать именно в ней, не будучи способными отыскать обратный путь «в подлинность». Добавим также, что в связи с диссоциацией подлинного «Я» после хамартии у человека могут развиваться специфические Я-фантазии как способ вынужденного сохранения и поддержания структуры этой ложной самости, мотивированные самобичеванием, самоотвержением, эмоциональным неприятием себя.

Намного чаще, чем о хамартиях, в автобиографических нарративах речь идет о *кайросах* — благоприятных случайностях, мгновениях удачи. Кайрос наступает и исчезает неожиданно, из-за чего им трудно воспользоваться, хотя именно он «исполнен содержания и смысла» [51, с. 216] и несет в себе потенциал преобразования жизни и/или личности человека.

Нарративный смысл кайроса очерчивается несколькими аспектами. Первый и очевидный состоит в том, что кайрос есть та почти иррациональная благоприятная точка («свезло», «повезло», «совпало», «звезды так сошлись», «оказался в нужном месте в нужное время», «так бывает один раз в жизни», «словил момент», «попал в яблочко» и пр.), когда человеку непременно нужно *действовать*, чтобы достичь успеха, перейти в некое новое качество, раскрывающее ему жизнь и самого себя в новом качестве. Для этого требуется уйти от размышлений, отринуть сомнения и стереотипы, отказаться от последовательной логической аргументации и стать «умеющим угадывать» — прислушаться к интуиции, почувствовать наперед то, последствия чего здесь-и-теперь еще совершенно невидимы, подстеречь краткий миг удачи, поймать, не упустить его.

Поскольку кайрос непредсказуем и чрезвычайен, человек в момент его явления как бы выпадает из привычного линейного времени, оно сжато для него в «точку невозврата», и ему необходимо быстро и вдохновенно дерзнуть, подключившись к внезапно мелькнувшим обстоятельствам, и дать им вынести себя в новое, рас-

ширившееся на миг жизненное пространство, вовлечься в них и действовать по их подсказке («меня понесло», «судьба несла на своих крыльях»). В эту минуту человек максимально открыт новому опыту, распахнут в мир и исключительно доверяет ему, «отключив» собственные мышление и волю и максимально растворившись в текущем моменте.

Нельзя не заметить, что в таком контексте кайрос не требует от личности каких-то специальных усилий, преодолений, труда или самоограничений, в отличие от достижения успеха [52]. Он являет себя в форме легко ускользающей удачи и может предполагать разве что подстерегание и «схватывание» случая (как в игре или лотерее, когда субъект любой момент жизни воспринимает как потенциально кайротический) или в крайнем случае провокацию его путем нахождения в неких маргинальных точках или обстоятельствах, сопряженных с риском, авантюрой, действием «на авось». Кайрос часто сопряжен с игрой, гаданием, снятием с себя обязательств, ограничением ответственности за собственное существование и благосостояние. В известном смысле ориентация на него способствует инфантильному избеганию действий по достижению успеха, требующих труда, личностных инвестиций, напряжения и упорства.

Второй момент указывает на то, что усмотреть свой счастливый шанс, а тем более воспользоваться им, дано не каждому. Большинству людей дарована только надежда на это, более или менее постоянно присутствующая в поле осознания и объективирующаяся в комплексе экзистенциальных ожиданий [1; 31]. Человек может *заслужить* кайрос, стать *достойным* его, и в этом случае судьба отзывается на его усилия двигаться в определенном направлении, а между человеком и миром устанавливается краткое, единственное и неповторимое соответствие, хрупкая гармония. И даже если миг удачи приходит авансом, незаслуженно, человек часто полагает, что должен его как-то «отработать», вернуть в бытие («творить добро», «помогать ближнему», «поделиться достигнутым благом»), чтобы оправдать благосклонность судьбы.

Третий момент состоит в том, что эмоциональное отношение к кайросу у человека внутренне амбивалентно. Во-первых, повествуя о «миге удачи» в автобиографическом тексте, человек часто склонен воспринимать случайные происшествия, особенно их совокупность (каскад), как «не совсем случайные», полагая, что в них кроется закономерность, имеющая отношение к его и только его собственным личным качествам. Сам факт пережитого кайроса на жизненном пути меняет его отношение к собственной личности: иногда он начинает думать о себе как о заметно отличающемся от других («любимчике судьбы», «божьем помазаннике», «отмеченном судьбой», «везунчике», «счастливчике», «не общего разлива» и т. п.), выделенном из общей массы, наделенном некими характеристиками, связывающими его с чем-то иным и большим, чем есть он сам («много званых, да мало избранных»). Это самоощущение может становиться основанием для реализации таких поведенческих паттернов, как риск, авантюризм, испытание себя, игры с судьбой, но также и как благоговение перед жизнью, стремление соответствовать статусу избранника судьбы, культивируя в себе определенные черты (милосердие, терпимость, самоотдачу, добрую волю, самопожертвование и т. п.).

Во-вторых, человек одновременно и страшится, и жаждет пережить кайрос из-за того, что его разрушительный и созидательный потенциал выступают слитно, как равнозначные возможности («или пан, или пропал»). Вступая в область

иррационального, чуть ли не фантомного, человек «чувствует с гибельным восторгом» (В. Высоцкий) экзистенциальное «влечение к случаю», необходимость воспользоваться представившимся шансом («такого случая никогда больше не будет», «судьба только раз дает такую возможность»).

Он боится сделать ошибку и нуждается в поддержке, которую никто в «миг удачи» оказать не может: весь ресурс для принятия решения находится в нем самом. Согласно В. Н. Топорову, сам «человек и есть его судьба», и «только решившись на риск, положившись на ничего не знающего и ничем не обладающего себя, практически на ничто» [2, с. 55], он должен незамедлительно и самостоятельно «принять огонь на себя». Со случайностью человек всегда оказывается наедине, она требует от него индивидуального экзистенциального решения.

Четвертый момент понимания кайроса связан с тем, что столкновение с ним по своему экзистенциальному содержанию носит лиминальный характер (от англ. limit — «предел» и лат. limen — «порог») и тесно связано с внутренне присущей человеку готовностью в любой момент принять себя и свою жизнь иными. В краткое мгновение «случающегося случая» принятое решение оказывается результатом сущностного «саморасщепления» человека [2, с. 56] на того, кем он был до него (человеком, у которого уже была, есть и дальше будет своя судьба), и того, кем он потенциально может стать (человеком иной, еще неизвестной или по крайней мере непроявленной, но обязательно *другой* судьбы).

Принятием или отвержением кайроса в точке бифуркации человек вбрасывает себя в потенциальное новое и неизвестное жизненное пространство, переключает в иной режим существования или же остается в прежних обстоятельствах, с «совокупностью несвершенного» [53, с. 16–18; 54, с. 147–153]. В обоих случаях кайрос информативен: он «сообщает» человеку нечто новое о реальности («я знаю точно: невозможное возможно»).

Пятый момент состоит в том, что один и тот же пережитый кайрос в разные моменты жизни и автобиографирования может описываться либо как случайность, либо как закономерность, и то, что поначалу человек считает случайностью, потом, по мере удлинения жизненного пути и накопления опыта, получает трактовку уже в контекстах закономерности.

И, наконец, шестой момент касается организующей роли кайроса. Принятый или отвергнутый, он выступает в качестве триггера, запускающего как минимум два процесса: кризис, ведущий к трансформации личности (хотя сам по себе он не определяет ее позитивное или негативное направление), и рефлексивную, упорядочивающую вновь обретенный экзистенциальный опыт, вписывающую его в индивидуальную картину мира. И в этой функции кайрос создает условия для раскрытия потенциала свободной воли человека.

Заключение

В рамках выполненного теоретического анализа представленности индивидуальной онтологии в автобиографических нарративах личности можно сделать ряд обобщающих заключений: 1) принятие в качестве базовой одной из ключевых онтологем (судьбы, случайности и свободной воли) позволяет определенным образом интерпретировать собственный жизненный путь и выстраивать автобио-